

Л. Н. МОЛОТОВА

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ДЕВИЧЬИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В СЕВЕРНОРУССКОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ XVIII—XIX вв.

(ПО КОЛЛЕКЦИЯМ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР)

При изучении русского свадебного обряда дореволюционного периода исследователи непременно обращаются к памятникам материальной культуры, и это закономерно. Традиционная крестьянская свадьба, состоявшая из множества различных компонентов материальной и духовной культуры, была тесно связана со многими сторонами жизни русской деревни. С течением времени менялись условия жизни, мировоззрение людей, изменялся свадебный обряд. Многие черты свадебной драмы исчезли безвозвратно, но некоторые из них можно еще воссоздать по оставшимся отдельным реликтам, в частности по головным уборам, «этим важнейшим предметам древности», как писал о них В. В. Стасов¹.

Наиболее полным и богатым является собрание головных уборов Государственного музея этнографии народов СССР, содержащее около 3 тыс. женских и девичьих головных уборов конца XVIII — начала XX в. из 32 губерний России, отражающих многообразие конструктивных форм и богатство декора. Обилие головных уборов, хранящихся в музеях нашей страны, свидетельствует о широчайшем распространении этой важной части народного костюма. Однако этот материал еще недостаточно изучен, а некоторые, еще не описанные виды головных уборов мало известны исследователям. К их числу относятся отдельные группы девичьих головных уборов Русского Севера. В собрании ГМЭ народов СССР они представлены в значительно меньшем количестве, чем женские². Среди них имеются будничные, праздничные и ритуальные уборы. Последние, связанные со свадебной обрядностью, вызывают особый интерес. Их число невелико, но формы довольно разнообразны. Это, безусловно, результат наличия локальных вариантов свадебной обрядности, лишний раз подтверждающий справедливость мнения, высказанного Т. А. Бернштам, что «понятие севернорусской свадьбы как чего-то единого — это чистая условность, за которой скрывается невероятная пестрота различных вариантов, переходных, более или менее сходных или уникальных форм свадебного обряда»³. Конструктивное разнообразие уборов, на наш взгляд, связано и с их назначением, функци-

¹ В. В. Стасов. Заметки о женских головных уборах.— Собр. соч., т. II, СПб. 1894, с. 114.

² В общей сложности в коллекциях ГМЭ не более 400 девичьих уборов (в том числе по Олонецкой губернии — 18, по Архангельской — 25, по Костромской — 20).

³ Т. А. Бернштам. Свадебная обрядность на Поморском и Онежском берегах Белого моря.— «Фольклор и этнография (обряды и обрядовый фольклор)». Л., 1974, с. 183.

цией. Вопрос о функциональности головных уборов, и свадебных в том числе, в этнографической литературе освещен очень слабо⁴. И нам представляется интересной попытка на примере хранящихся в ГМЭ уборов воссоздать функции некоторых из них в свадебной обрядности. Известно, что просватанные девицы меняли головной убор⁵, и материалы, хранящиеся в фондах ГМЭ, показывают, что в период свадебной игры в соответствии с главными моментами свадебного ритуала эта смена происходила несколько раз. Будут рассмотрены три небольшие, разные по назначению группы свадебных девичьих уборов. Часть из них встречалась в Сольвычегодском и Великоустюжском уездах Вологодской губернии, некоторые бытовали в Шенкурском уезде Архангельской губернии. Датировка тоже разная: одни относятся к концу XVIII — началу XIX в., другие — к концу XIX в. К сожалению, сейчас нет достаточного материала для построения логического ряда последовательной смены уборов и функциональное разделение девичьих ритуальных уборов можно констатировать лишь на отдельных примерах.

К I группе мы отнесли уборы, которые девица надевала сразу же после просвятия. Просвятанной или сговоренной она считалась со дня сговора или рукобитья, когда родственники жениха и невесты договаривались об условиях свадьбы, и до венчания.

С момента просвятия девица вступала в иную группу и должна была отличаться от остальных. С этой целью в ряде уездов северо-русских губерний к девичьей повязке, повсеместно распространенной на Русском Севере, прикреплялся небольшой овал — «натемник» прикрывавший макушку (рис. 1). Получался как бы глухой головной убор — прототип женского убора. Натемник был символом, знаком, объясняющим положение девицы. Этот факт впервые был отмечен Н. П. Гринковой, которая полагала, что ношение повязки с натемником подчеркивало особое положение девушки⁶. Материалы ГМЭ и ряда музеев показывают, что повязки с натемниками просвятанные девицы носили лишь в двух губерниях — Вологодской и Архангельской (р-н Двины и Мезени)⁷.

Весьма примечательно орнаментальное решение натемников. На них, как правило, вышиты золотой нитью лучевидные розетки, солярные знаки (свастика), стилизованные древа жизни, т. е. символы, обозначающие пожелания добра, счастья. Особо примечателен натемник, где своеобразно воплощен символ брачного союза: изображены две стилизованные человеческие фигуры, заключенные в контур сердца, под ними изображены два лебедя, соприкасающиеся грудью.

Другой вид головного убора просвятанных девиц — вязаный колпак, распространенный в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии. Иногда к нижнему краю некоторых колпаков прикрепляли повязку из просекного хаза⁸ (в коллекции музея хранится 2 таких колпака,

⁴ См., например: Н. И. Гаген-Торн. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы. — «Сов. этнография», 1933, № 5—6; Н. Н. Гринкова. Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту (по материалам русской одежды). — «Сов. этнография», 1936, № 2.

⁵ Д. К. Зеленин. Женские головные уборы восточных (русских) славян. — «Slavia», 1926, № 2; 1927, № 3; Н. П. Гринкова. Указ. раб.; Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов. — «Восточнославянский этнографический сборник» («Труды Ин-та этнографии АН СССР»), т. XXXI, 1956.

⁶ Н. П. Гринкова. Указ. раб., с. 32.

⁷ Л. Н. Молотова. Об одной группе вологодских головных уборов. — «Труды Научно-исследовательского ин-та художественной промышленности», вып. 5, М., 1972, с. 286—294. Рассматриваемые повязки имели ярко выраженные отличительные черты в форме и декоре. Это позволило выделить их в особый «черевковский тип» (от названия с. Черевково, где их изготавливали и носили). Такого типа повязки хранятся не только в ГМЭ, но и в фондах краеведческих музеев Архангельска и Вологды, в общей сложности более 60 образцов.

⁸ Хаз — позумент, галун. Термин, бытовавший в Архангельской губернии. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. СПб., 1882.

Рис. 1. Девичья повязка с натемником, надеваемая после просвятия. Вторая половина XIX в. Вологодская губ.

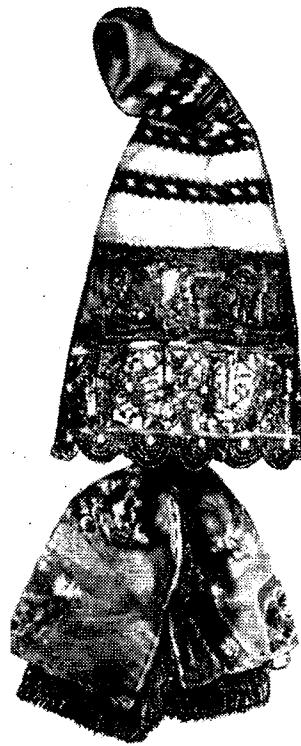

Рис. 2. Вязаный колпак с повязкой и шелковой косынкой

колл. 622) или шелковой косынки, сложенной в несколько рядов (рис. 2). Кроме этого, в собрании музея есть два колпака, длиной более полуметра, называемые «честными колпаками»⁹.

Таким образом, нами выявлены две разновидности свадебных девичьих уборов, надеваемых просватанными девицами на одной из начальных стадий свадебного обряда — после просвятия.

II группа головных уборов, представленная в музее, также связана со свадебным действом. Она весьма малочисленна — четыре убора из Борецкой волости Шенкурского уезда Архангельской губернии, совершенно идентичных по форме и орнаментации¹⁰. Все они глухие, с закрытой макушкой, по конструкции напоминающие перевернутое копыто (рис. За, б), т. е. здесь налицо признаки женского головного убора. Однако к затылочной части их прикреплена широкая, длинная «наспинная» лента — характерный элемент девичьих повязок и венцов. Таким образом, в этом случае мы наблюдаем контаминацию двух головных уборов — женского и девичьего. На одном из рассматриваемых предметов имеется интересное дополнение: две ниспадающие на лицо узкие длинные парчовые ленты, идущие от макушки, и семь холщовых нитей, про которые в описи сказано, что «они (нити) —

⁹ ГМЭ коллекционная опись (далее — ГМЭ, колл. оп) № 622. Собиратель этой коллекции А. В. Худорожева в аннотации к колпакам пишет, что они «являлись эмблемой невинности».

¹⁰ Л. Н. Молотова. Шенкурские свадебные головные уборы.—«Русский народный свадебный обряд», Л., 1978, с. 220.

Рис. 3. Свадебный головной убор конца XVIII — начала XIX в. Архангельская губ., Шенкурский уезд; *а* — вид спереди, *б* — вид сзади

Л. М.) имеют обрядовое значение»¹¹. Несомненно, эти уборы ритуальны и связаны со свадебной обрядностью. Однако точного их назначения установить не удалось. Мы можем высказать лишь предположение об их функции. И в этой связи необходимо привести фотографию фрагмента головного убора из Сольвычегодского музея¹² (рис. 4). При сравнении шенкурских уборов из ГМЭ и сольвычегодского памятника мы видим много общих черт в конструкции и декоративном убранстве. Про сольвычегодский убор известно, что он называется «плачая» и что невеста в нем причитала. В аннотации указано место бытования — Пинега. Таким образом, памятник из Сольвычегодска имел совершенно определенную функцию и название, обусловленное ею. Очевидно, в другое время невеста его не надевала.

Не могли ли такую же функцию выполнять и похожие уборы из ГМЭ? Эта гипотеза нам представляется вполне вероятной. Известно, что во время свадебного периода, который длился иногда две недели, невеста неоднократно меняла наряд, в том числе и головные уборы. Так, во время причитаний, проходящих при большом количестве родственниц и подруг, невеста вполне могла надевать специальный головной убор. Видимо, в Шенкурском уезде этот убор назывался не «плачая», а как-то иначе.

III группа свадебных уборов, выделенных нами, связана непосредственно с венчанием. Это прежде всего *коруны* (рис. 5), бытавшие в отдельных местностях Архангельской и Вологодской губерний.

¹¹ ГМЭ, колл. оп. 848.

¹² Этот убор был выявлен Г. С. Масловой в краеведческом музее Сольвычегодска. Фотография приводится с любезного разрешения Г. С. Масловой.

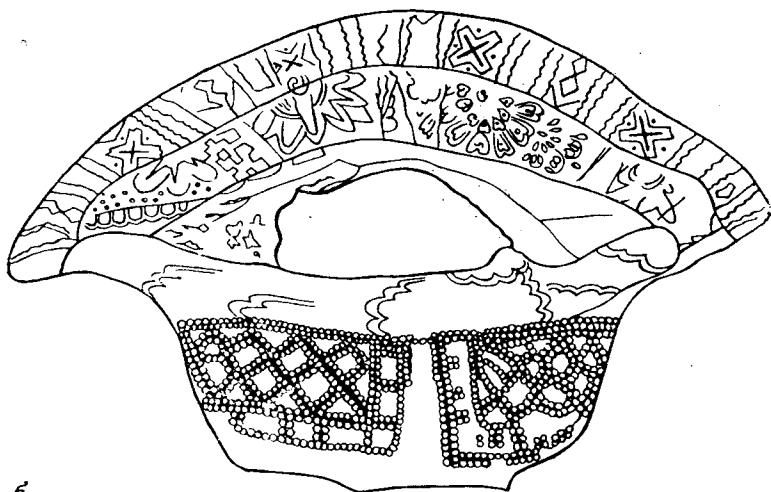
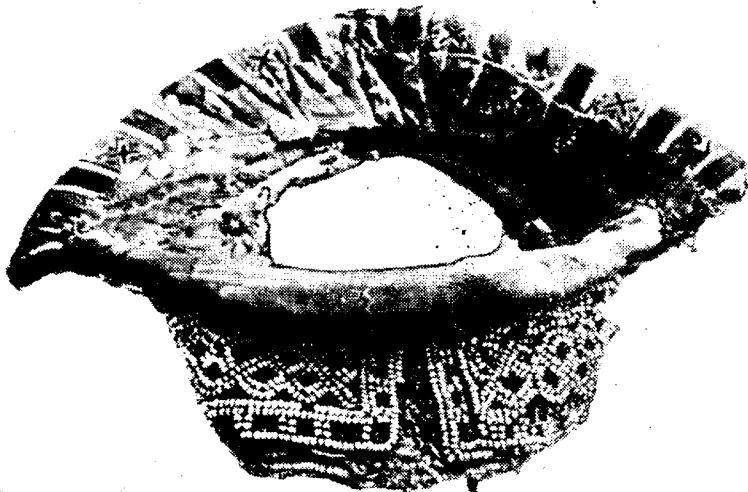

Рис. 4. Фрагмент головного убора «плачая». Сольвычегодский краеведческий музей; *а* — общий вид, *б* — прорисовка

Коруна — сложный головной убор, состоящий из органично связанных между собой обода и воздушного венка, богато орнаментированного бисером, фольгой и стразами (имитация драгоценных камней). Все известные нам 25 памятников этой группы выполнены в едином художественном стиле и манере, характерной для XVIII в.¹³ Ко второй половине XIX в. этот убор почти исчез из употребления, сохранившись только в некоторых районах Подвилья — Великоустюжском и Сольвычегодском, где невеста шла к венцу непременно в коруне. А. В. Худорожева, известная собирательница коллекций по Русскому Северу, доставившая в 1903 г. в музей четыре коруны¹⁴, сообщала, что «коруны уже тогда встречались чрезвычайно редко, иногда на всю деревню было не

¹³ Л. Н. Молотова. К вопросу об атрибуции одной из групп северных головных уборов. — «Сообщения Гос. Эрмитажа», т. XXXIV, Л., 1972, с. 56—59.

¹⁴ А. В. Худорожева собрала для ГМЭ более 2000 экспонатов, многие из которых уникальны. Все приобретенные ею предметы снабжены подробными аннотациями, что повышает научную ценность ее коллекций.

более двух корун у очень старых женщин, которые за определенную мзду давали их напрокат на свадьбу»¹⁵. Это свидетельствует о том, что традиция надевать этот венчальный убор еще существовала, хотя сам он практически уже не был широко распространен. Уместно будет заметить, что сейчас в ГМЭ, Государственном Эрмитаже и Великоустюжском краеведческом музее хранится в общей сложности около 25 корун.

Изложенный материал дает основание сделать два вывода.

1. Рассмотренные головные уборы позволяют проследить определенную связь между ними и различными моментами свадебной обрядности. Выше говорилось о том, что упомянутые уборы не связаны между собой ни территориально, ни по времени бытования, и потому не следует видеть в изложенном перечислении последовательную сменяемость одних уборов другими. Весьма вероятно, что свадьба в указанных уездах имела местные особенности, хотя по основным элементам она вряд ли существенно различалась. Несмотря на незначительное число предметов, которые находятся в нашем распоряжении, все же представляется возможным сделать вывод, что наиболее важным моментам свадебной обрядности соответствовал определенный головной убор, имевший соответствующие функции. Не исключено, что помимо вышеописанных видов девичьих головных уборов, связанных с просватанием, девишиком и венчанием, существовали и иные, связанные с другими действиями свадебного обряда, например с банным. Но пока мы не располагаем таким материалом.

2. Представленные вещественные памятники датируются в основном концом XVIII — серединой XIX в. Это не случайно. Известно, что свадебный обряд XVIII в. состоял из большего количества элементов по сравнению с последующим периодом. Со временем шло упрощение свадебного обряда — исчезли одни части, трансформировались другие. С отмиранием каких-то свадебных обрядов исчезали и характерные для них атрибуты материальной культуры. То, что было зафиксировано в конце XIX в., несомненно, уступало по полноте оформления свадебному обряду рубежа XVIII—XIX в.¹⁶.

Известно, что в более архаичных и глухих районах свадебные обряды сохранялись дольше и были более сложными и многоэтапными. Поэтому у жителей этих районов дольше бытовали памятники материальной культуры, связанные со свадебной церемонией.

Рис. 5. Свадебный головной убор «коруна». Начало XIX в. Вологодская губ. (?)

¹⁵ ГМЭ, секция рукописей, ф. I, оп: 2, д. № 700.

¹⁶ П. С. Богословский. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов. — «Пермский краеведческий сборник», вып. III, 1927, с. 60.